

"С ЗАМКОМ НА ГУБАХ"

В начале 1848 года самые разные круги русского общества были взволнованы слухами о революционных событиях в Западной Европе, о февральской революции во Франции. "Известие об этом произвело в Петербурге потрясающее впечатление", - рассказывает современник: в кофейнях собиралась публика, люди вырывали друг у друга иностранные газеты, новости читали вслух, и толпа плотно окружала таких чтецов.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они... -

вспоминал Некрасов в поэме "Недавнее время". Тревогой была охвачена не только столица. Известно, что сведения о происходящих в Европе политических бурях и переворотах быстро распространялись в провинции, особенно в пограничных уездах, примыкавших к границам революционной Европы (прусской, австрийской). "... Теперь все тамошние жители - крестьянин и помещик - только и заняты рассуждениями о том, что делается за границей" - так сообщал по начальству виленский генерал-губернатор 25 марта 1848 года. И тут же вынужден был добавить интересную подробность: "К сожалению, ни в одном классе жителей события эти не произвели того впечатления, которое бы соответствовало чувству верноподданнической преданности" {Цит. по книге А. С. Нифонтова, Россия в 1848 году. М., 1949, стр. 106.}.

Официальные и добровольные агенты информировали правительство о разных случаях проявления сочувствия французской революций даже в среде ремесленников, купцов, военных. Тосты за мятежную Францию провозглашали то учитель гимназии, то студент, то либеральный помещик. Из Костромы поступило донесение: отставной поручик Рославлев, близко стоящий к "низшим" сословиям, - "между разговорами выхвалял поступки прочих держав против своих законных государей, ... прибавя к тому, что скоро, может, и у нас будет такой же переворот, как и в прочих державах" {Цит. по книге П. А. Федосова, Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958, стр. 247.}.

Волнения Затронули также крепостную деревню. Под прямым воздействием событий на Западе усиливалось брожение среди крестьян, причем не только в пограничных районах. В одном из документов, сохранившихся в архивах Третьего отделения, говорилось: "Со времени событий в Западной Европе толки относительно освобождения крестьян из крепостного состояния снова быстро распространяются в Смоленской губернии, и в особенности они сильны в уездах, лежащих к западу" {Цит. по книге А. С. Нифонтова, Россия в 1848 году. М., 1949, стр. 110.}.

С весны 1848 года в столице началась холера, и среди темных людей ходила молва, будто это дело рук каких-то неведомых преступников, отравляющих воду. С попавшими под подозрение толпа чинила расправу тут же, на улице.

Невский опустел. В летнюю жару вся аристократия покинула зараженный город, а простой народ, среди которого более всего свирепствовала холера, уносившая сотни людей каждый день, волновался, внушая тревогу перепуганным властям.

В этих условиях тайная полиция - Третье отделение и его руководители, служившие верной опорой трона, усилили свою деятельность.

Интересно, что весной 1848 года жандармов особенно тревожило поведение фабричных рабочих. Сохранилась примечательная записка Л. В. Дубельта, который 11 марта распорядился вызвать в Третье отделение владельца одного из крупнейших петербургских заводов господина Бердта и "обратить его внимание на рабочих, которые, читая газеты, рассуждают о французской революции" {Там же, стр. 114.}. Тогда же журналам и газетам было

запрещено писать о "рабочих людях" во Франции и других государствах, где происходят политические беспорядки.

В это беспокойное время, в пору начинавшейся, политической реакции под самым носом у жандармов в столице действовал кружок Петрашевского; молодые люди разных званий, собираясь вместе, говорили о преступности крепостного права, о равенстве людей, о раскрепощении женщины, о свободной литературе, о счастливом будущем для всех народов - в духе социально-утопических теорий. Говорили они и о необходимости организации тайного общества.

В пятницу 15 апреля 1849 года петрашевцы собрались, чтобы познакомиться с письмом Белинского к Гоголю, и это письмо, прочитанное вслух Федором Достоевским, произвело в кружке всеобщий восторг, а многих привело чуть ли не в исступление. Здесь нельзя не заметить прямой духовной связи между петрашевцами и кружком Белинского - Некрасова: у тех и у других было одно евангелие - письмо к Гоголю, одни стремления - ненависть к деспотизму, мечта о свободе, прежде всего о свободе для крестьянства.

Падение феодальных монархий в странах Европы было воспринято николаевским правительством как грозное предупреждение. 14 марта 1848 года, когда революционные события из Парижа уже перекинулись в Германию и Австрию, был опубликован "высочайший манифест": Николай I резко осуждал европейские смуты и беспорядки, "грозящие ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства", предупреждал, что "не зная пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей богом вверенной России". Тут же он выражал уверенность, что "всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего государя, что древний наш возглас: за веру, царя и отечество и ныне предрекает нам путь к победе".

Перед этим Николай I объявил частичную мобилизацию русской армии, готовя ее к заграничным походам, чтобы "если обстоятельства востребуют, противопоставить надежный оплот пагубному разливу безначалия". Царские манифесты и приказы печатались в газетах, читались в церквях, комментировались священниками в проповедях с амвона. Николай принимал депутации дворян, призывая их сплотиться вокруг царского престола и сообщая инструкции, как обращаться с крепостными, особенно с дворовыми, при которых нельзя говорить ничего "лишнего" ("Я вас прошу быть крайне осторожными в отношении с ними"). Он принимал и служителей церкви, епископов; изложив им сложившуюся политическую обстановку, царь сказал: "Все это от безверия, и потому я желаю, чтобы вы, господа, как пастыри, старались всеми силами об утверждении в сердцах веры. Что же меня касается, - прибавил он, сделав широкое движение рукой, - то я не позволю безверию распространяться в России, иначе оно и сюда проникнет".

Сумерки политической реакции начали сгущаться, и вскоре "темная семилетняя ночь пала на Россию" (Герцен). Она длилась долго, до самой смерти самодержца, и в летописях русской культуры получила название "мрачного семилетия" (1848-1855). Это было время, о котором с ужасом и удивлением говорили многие современники. Начались преследования просвещения и науки. Ходили упорные слухи о закрытии университетов. Множество людей разных состояний оказались в тюрьмах и в ссылке. Сам граф Уваров, министр народного просвещения, ведавший цензурой, был обвинен в либерализме и едва удержался на своем посту. Цензоров, даже самых старательных, сажали на гауптвахту по личному указанию даря за ничтожные или мнимые упущения.

Выразительную картину этого времени набросал в своих воспоминаниях Анненков: "... В октябре 1848 года состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ... На сцену выступает Бутурлин с ненавистью к слову, мысли и свободе, проповедью безграничного послушания, молчания, дисциплины... Терроризация достигла и провинции..."

В особенно трудном положении оказалась литература, которая не могла не только развиваться, но даже просто существовать в условиях постоянных преследований и

разнообразных ограничений. Не случайно Некрасов в эти годы почти не печатался - он не хотел писать стихов пресных, нейтральных, таких, какие можно было печатать. Зато в изобилии появлялись ура-патриотические стихи Ф. Глинки ("На смуты запада"), Н. Кукольника ("Сила России"), П. Вяземского ("Святая Русь"), В. Жуковского, рисовавшего образ России-утеса, о который разбиваются бушующие волны мятежей и смут ("Утес среди бурного моря").

Проза тоже выдыхалась, ибо ей запретили касаться вопросов острых и насущных. Зато Булгарин в "Северной пчеле" воспевал "преданность и любовь" народа к царю и отечеству, уверяя, что "горестные события на Западе благоприятно отразились на святой Руси", - они вызвали общее чувство негодования русского народа, сплотили его вокруг трона.

"Современник" в эти годы не имел возможности хотя бы обиняком говорить о положении крестьянства, о крепостном праве. Журналам нельзя было даже упоминать о европейских событиях. Специальное распоряжение резко сокращало переводы из иностранной литературы, а на французскую был объявлен прямой, запрет, что непосредственно ударило по некрасовскому журналу: пришлось отказаться от печатания "Манон Леско" аббата Прево и прервать на середине новый роман Жорж Санд "Леоне Леони": редакции ничего не оставалось, как предложить читателям вместо второй части романа краткое изложение ее содержания.

Журналистика и литература в таких условиях сделались делом не только трудным, но и опасным. "Надо было взвешивать каждое слово, говоря даже о травосеянии и коннозаводстве... Слово "прогресс" было строго запрещено, а "вольный дух" признан за преступление даже на кухне", - вспоминает один из современников. "Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним..." - добавляет к этому второй. Положение, в котором находилась тогда русская литература, с афористической точностью определил Герцен: "Наша литература от 1848-го до 1855-го походила на то лицо в Моцартовой "Волшебной флейте", которое поет с замком на губах".

Всё это понимали даже люди вполне умеренные. Например, А. В. Никитенко, человек трезво мыслящий, высказал немало горьких слов о тогдашнем положении гонимой русской мысли. Он даже счел нужным прибегнуть к легкой зашифровке, когда писал об этом в своем дневнике: "События на Западе вызвали страшный переполох на Сандвичевых островах. Варварство торжествует там свою дикую победу над умом человеческим, который начал мыслить, над образованием, которое начало оперяться... Произвол, облеченный властью, в апогее: никогда еще не почитали его столь законным, как ныне... На Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв... клеймятся и обрекаются гонению и гибели" (запись 2 декабря 1848 года.)

* * *

Светлой ночью 23 апреля 1849 года Панаевы, возвращаясь из гостей, гуляли по петербургским улицам вместе с Николаем Александровичем Спешневым. Это был молодой помещик, аристократ, убежденный социалист и один из виднейших участников кружка петрашевцев, один из тех, кто выдвинул мысль о создании тайного общества. Находясь в самом веселом настроении духа, оживленно разговаривая, Спешнев проводил Панаевых до дому, пообещав на днях прийти к ним обедать и отправился домой. А дома уже ждала полиция: он был схвачен и отвезен в Петропавловскую крепость.

На другой день выяснилось, что в минувшую ночь тайная полиция арестовала всех главных участников кружка. Так началась одна из самых крупных акций николаевской политики репрессий - разгром кружка петрашевцев. Это событие, по выражению Некрасова, "как гром" поразило всех. Уныние и тревога воцарились в редакции "Современника". Все сотрудники и даже Некрасов опустили головы. Прежние оживленные разговоры и споры прекратились, гости перестали собираться на обеды и ужины. "Все говорили тихим голосом, передавая тревожные известия об участи заключенных молодых литераторов..." - вспоминает Панаева.

В эти дни студент Чернышевский сделал в своем дневнике гневную запись: он объявлял достойными виселицы главных вдохновителей реакции - Орлова, Дубельта, Бутурлина и других царских сатрапов.

Прошло восемь долгих месяцев. Процесс петрашевцев наконец закончился, и на Семеновской площади в Петербурге была разыграна комедия казни. По указанию императора осужденным, среди которых были Петрашевский, Достоевский, Плещеев, Дуров, Спешнев, Ханыков, прочитали смертный приговор; им завязали глаза, затем щелкнули затворы. Но тут внезапно прискакал флигель-адъютант с бумагой, казнь остановили. Было объявлено, что всемилостивейший монарх дарует преступникам жизнь и назначает им разные сроки каторги и ссылки. Петрашевскому - вечную каторгу.

Второй в России политический процесс (после декабристов), имевший прямой целью подавление революционных сил в стране, произвел самое тягостное впечатление на русское общество. Некрасов, всю жизнь помнивший "Петрашевского дело", много лет спустя писал:

Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.

* * *

Обстановка политической реакции поставила некрасовский "Современник" перед лицом тяжелых испытаний. Но это же время оказалось самым подходящим для мракобесов, доносчиков, лжепатриотов. Булгарин словно только и ждал сигнала, чтобы с новой силой наброситься на ненавистные ему журналы, возобновить свои наветы на "Отечественные записки" и "Современник".

Подоспело удобное время,
И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес, -

вспоминал позднее Некрасов в одной из своих сатир ("в три приема", так как донос был слишком велик). Булгарин теперь не называл его иначе, как "отчаянным коммунистом", вопиющим "в пользу революции". Даже Никитенко, только потому, что тот был номинально связан с "Современником", Булгарин характеризовал как опаснейшего человека, подрывающего государственный порядок.

Белинский не упоминался в булгаринских наветах, тем не менее в начале 1848 года критика, уже не встававшего с постели, начали вызывать в Третье отделение. Некрасов и Панаев однажды сидели у больного, когда при них жандарм принес повестку - вызов к генералу Дубельту. Это необычайно взволновало Белинского. Оказывается, "хозяин русской литературы" (так величали Дубельта чиновники-жандармы) желал лично "познакомиться" с известным критиком. Посланный, когда ему сказали, что Белинский болен, заглянул в комнату, чтобы убедиться в этом. Некрасов вспоминал, что после этого поступило распоряжение дважды в день сообщать о состоянии умирающего. Белинский скончался 26 мая 1848 года. Друзьям было совершенно ясно, и они говорили об этом, что он умер вовремя, ибо участь его была предreshена. Если чтение письма к Гоголю было одним из главных пунктов обвинения, по которому петрашевцев приговаривали "к смертной казни расстрелянием", то какой же кары заслуживал сам автор письма?

Позднее, в поэме "В. Г. Белинский" Некрасов в нескольких строчках запечатлел обстоятельства последних месяцев жизни критика:

Настала грустная пора,
И честный сеятель добра

Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели...

Имя Белинского надолго сделалось запретным. Несколько скупых строк в отделе "Смесь" ("Современник", 1848, № 6) - это все, чем Некрасову удалось почтить память учителя. Лишь много позже он создал в своих стихах его незабываемый образ.

Попытки Булгарина и других рептильных литераторов очернить "Современник" в глазах правительства сделали свое дело. Был создан специальный комитет во главе с князем А. С. Меншиковым. Первое время его деятельность была незаметна и казалась таинственной, но вскоре выяснилось, что он учрежден по царскому повелению для изучения современной литературы и, как говорит Никитенко, "для выработки мер обуздания ее на будущее время". Результаты обследования "Современника" были неутешительны. Комитет нашел, что журнал в некоторых своих материалах проповедует учение коммунизма и даже революцию (имелись в виду некоторые статьи Белинского и Герцена). Никитенко был вызван в Третье отделение. Ему сделали внушение и по высочайшему повелению заставили дать подписку в том, что впредь направление журнала будет "совершенно согласно с видами правительства". После этого перепуганный Никитенко решил отказаться от трудной и опасной работы для "Современника". С апреля 1848-го редактором был временно утвержден Иван Иванович Панаев.

Цензурные преследования "Современника" усиливались. Внезапно был запрещен уже пропущенный цензурой "Иллюстрированный альманах", обещанный в качестве премии годовым подписчикам журнала. Некрасов потратил много сил на подготовку альманаха, по типу и по содержанию напоминавшего "Петербургский сборник". В нем были помещены произведения Достоевского, Панаева, Дружинина, Гребенки, Даля, автобиографический роман Панаевой "Семейство Тальниковых", многочисленные иллюстрации и карикатуры лучших художников. Большая, интересная книга уже вышла из печати, но была уничтожена, никто толком даже не знал почему. Подписчики, конечно, сочли себя обманутыми. Кроме "меньшиковского" комитета для "высшего" надзора за литературой и цензурой был учрежден секретный, так называемый комитет "2 апреля" под председательством известного мракобеса Д. П. Бутурлина. Это был тот самый

Палач науки Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
"Закройте университеты,
И будет зло пресечено!.."
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!..)

Эти стихи Некрасов писал, когда "мрачное семилетие" было уже позади (хотя напечатать их все равно было невозможно); но тогда, в 1848 году, Бутурлин был облечен полномочиями диктатора. И Некрасову скоро пришлось познакомиться с деятельностью бутурлинского комитета.

Ходили упорные слухи о предстоящем запрещении "Современника". Николай I лично утвердил заключение комитета о неблагонамеренном направлении журнала и приказал сделать редакторам строгое внушение. В эти дни они, по словам Панаевой, каждую минуту ждали ночного посещения жандармов. Оказалось, что, помимо недовольства общим направлением журнала, гнев бутурлинского комитета и самого царя вызвала незначительная на первый взгляд рецензия на учебник истории С. Смарагдова, напечатанная в "Современнике"

(1849, № 10); в ней отыскивались несколько слов, истолкованных как намеки на невыносимую суровость цензурного режима. В действительности так оно и было. Эти слова, написанные, вероятно, Некрасовым, не имели никакого отношения к учебнику, но конечно, не случайно попали в текст рецензии: редакция, запрятав их в самое незаметное место, надеялась, что только внимательный читатель обнаружит то, что как раз для него и предназначалось:

Однако комитет тоже читал внимательно. Да и как было не заметить такие слова: "Вы хотите новых романов, хотите ученых статей, хотите умных рецензий и критик? Но подумали ли вы хотя раз о положении вашей литературы, вашей журналистики?.. Кто нынче пишет? Нынче решительно век книгоненавистия". Дальше говорилось, что "в самом воздухе" появилось нечто, "развивающее в писателях новый недуг, угрожающий гибелью литературе, журналистике, типографиям, книгопечатанию". И наконец, отмечалось, что все это стало особенно заметно с появлением эпидемии холеры.

Последние слова были понятны тем, кто знал, что случаи холеры в Петербурге были обнаружены почти одновременно с учреждением бутурлинского комитета "2 апреля". Таким образом, деятельность комитета в рецензии "Современника" прямо связывалась с угрозой гибели литературы и "недугом книгоненавистия". Этот смелый намек и был обнаружен комитетом. Редакторы были вызваны сначала в министерство народного просвещения, где узнали, что "тайная их мысль не осталась сокрытой от правительства"; согласно решению комитета, утвержденного царем, им объявили "строжайший выговор" со внушением: "Если бы и впредь еще они отважились на что-нибудь подобное, то будут неминуемо подвергнуты примерному взысканию". Панаев и Некрасов расписались в прочтении "высочайшего повеления". Тогда же они получили приглашение явиться к шефу жандармов графу Орлову. Настроение их не было особенно радужным, когда они в 10 часов утра переступали порог известного здания у Цепного моста. Они были готовы ко всему. Может быть, им объявят запрещение издавать журнал? Может быть, даже арестуют?

Однако они отделались довольно легко. Вернувшись домой, Панаев и Некрасов рассказывали, что граф Орлов предупредил их: если журнал будет держаться прежнего направления, то им несдобровать. И прибавил: - Будьте осторожны, господа, тогда я уже ничего не буду в состоянии для вас сделать.

Так запомнила этот эпизод Панаева. Вполне вероятно, что Орлов, прикинувшись доброжелателем, в самом деле сказал нечто подобное, во всяком случае, позднее Некрасов подтвердил это в поэме "Недавнее время", где речь Орлова изложена так:

... Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь...
... Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти!..

Но доброжелательность эта, конечно, была мнимая, дипломатическая. Едва проводив своих посетителей, Орлов тут же распорядился установить секретное наблюдение за квартирой Панаевых и Некрасова, за редакцией "Современника". В воспоминаниях Авдотьи Яковлевны сохранился подробный рассказ о том, как шестнадцатилетний мальчик, сирота, живший у нее в доме, однажды был застигнут за исполнением осведомительских функций; он признался, что "какие-то личности" припугнули его и заставили каждый день сообщать обо всем, что делается в доме. Те же несложные обязанности выполнял и дворник того дома, где помещалась редакция; об этом догадывались и старались вести себя осторожнее.

Вести журнал в такое время, в таких обстоятельствах было трудно, почти невыносимо. Отъезд за границу Герцена, ничем не вознаграждаемая потеря Белинского, пристальное и бдительное внимание не только органов цензуры, но и властей, вплоть до самого царя, - все это создавало впечатление безнадежности; у многих литераторов опускались руки. И если журнал еще продолжал существовать, то только по одной причине: благодаря огромной энергии, инициативе и твердой воле Некрасова.

Один из знавших его в ту пору людей вспоминает, что он оставался бодрым и неутомимым работником даже в то время, когда его ближайшие сотрудники впадали в бессильное уныние под бременем усилившейся реакции.